

В.В. Крестовский

Кровавый пуф

Книга 2. Две силы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К80

Крестовский В.В.
К80 Кровавый пуф: Книга 2. Две силы / В.В. Крестовский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 434 с.

ISBN 978-5-4241-1428-1

«Панургово стадо» первая книга исторической дилогии Всеволода Крестовского «Кровавый пуф».

Поэт, писатель и публицист, автор знаменитого романа «Петербургские трущобы», Крестовский увлекательно и с неожиданной стороны показывает события «Нового смутного времени» - 1861-1863 годов.

В романе «Панургово стадо» и любовные интриги, и нигилизм, подрывающий нравственные устои общества, и коварный польский заговор звенья единой цепи, грозящей сковать российское государство в трудный для него момент истории.

ISBN 978-5-4241-1428-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© В.В. Крестовский, 2021

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Сюрприз на пути в Варшаву

Станция Луга. Двадцать пять минут. Буфет!

Хвалынцев вышел из вагона и, вместе с толпой алчущих и жаждущих пассажиров, направился в залу, где дымящиеся блюда разнообразных снедей, среди столов, покрытых свежим бельем, ясным хрусталем, бутылками и цветами, так вкусно и приветливо манили к себе взоры и аппетит проголодавшихся путешественников.

Он спросил себе обед и, с торопливостью — по большей части свойственной непривычным железнодорожным путникам, которые боятся опоздать при роковом звонке — принялся истреблять поданные ему блюда.

Но не успел он еще изрядно потрудиться над крылом пулярки под рисом, как вдруг почувствовал, что кто-то сзади хлопнул его по плечу самым приятельским образом.

Константин обернулся и просто ошалел от изумления.

Перед ним стоял и улыбался Свитка, воочию тот самый Свитка, который давеча проводил его на железную дорогу и простился, так что Хвалынцев был убежден, что посвятитель и ментор его остался в Петербурге, а он вдруг — на тебе! — через четыре часа пути является тут как тут, неожиданный, негаданный.

— Вы какими судьбами? — пробормотал изумленный Константин Семенович.

— Хм... Не судьбами, батюшка; судеб вообще нет, а есть железные дороги и непредвидимые случайности, и вот в силу одной из таковых случайностей я и еду с вами.

Хвалынцев недоверчиво поглядел на него.

— Но ведь вы же, провожая меня, сколько я понимаю, никак не располагали отправиться вместе? — заметил он, — и вдруг...

— И вдруг отправился!.. ха, ха, ха... оно, точно чудно немножко, но... в нашем деле, батюшка, случается иногда непредвидимые и совершенно неожиданные случайности: одна из таких, говорю вам, и постигла меня.

— Но когда же, наконец, она успела вас постигнуть, если вы, не думая ехать, простились со мной за три минуты до отхода машины?

— А вот в эти-то три минуты и постигла.

— Действительно чудно... Нельзя не согласиться! — с скептической улыбкой заметил Хвалынцев. — Куда же вы едете?

— По пути с вами.

— Я это вижу, но далек ли ваш путь?

— О, еще пространствуем малую толику! Я еду в Литву.

— Надолго?

— Мм... смотря по тому, как потребуют обстоятельства... Впрочем, не думаю, чтобы надолго: недели на полторы, на две — не более.

— И что же, это вы сами надумали ехать?

— Напротив, я и не воображал. Меня послали.

— Хм...

И кроме этого "хм!" Хвалынцев ровно ничего не нашел ответить ему, хотя в душе и подумал себе, что тут что-то не так... В душу его закралось темное подозрение: уж не с тою ли, мол, целью, чтобы следить за каждым его шагом, приставлен к нему этот Свитка? — "Чего доброго, они, может, думают, что я обману их доверие, что я изменю им, и потому так зорко следят за мною?" думалось ему. "Хм... Ну, все равно, пусть следят, осторожность, говорят, не мешает".

— Вы ведь во втором классе едете? — отнесся к Хвалынцеву Свитка.

— Во втором.

— А я в третьем. Я и билет-то себе взял только на Царскосельской станции, а дотуда заплатил уже в вагоне обер-кондуктору.

— И как же вы это так — без белья, без вещей, безо всего?

Свитка только улыбнулся и беззаботно махнул рукой.

— Есть мне когда думать о таких пустяках! — сказал он. — Были бы деньги со мною, а прочее все вздор! Сорочку лишнюю куплю себе в Вильне, в первом попавшемся магазине, а не то и добрые люди одолжат на время, а больше мне ничего и не надо. Послушайте! — как бы под впечатлением новой мысли, предложил он Хвалынцеву. — Пересаживайтесь-ка ко мне в третий! В третьем, конечно, менее комфорту, но зато гораздо веселее и занимательнее. Ей-Богу! Третий класс не лишен даже своего рода поучительности. Садись-ка право! А когда захочется спать, для пущего комфорту, пожалуй, и я тогда с вами во второй переберусь.

Хвалынцев согласился, и они поехали вместе.

"Черт их знает", думал себе Константин Семенович. "Это какой-то своего рода театральный эффект, такое неожиданное появление; как будто этого нельзя было сделать гораздо проще?! Или же они, в самом деле, следят за мной?.. Но, если верить им, в их деле участвуют многие тысячи людей, а над каждым из этих тысяч возможно ли устроить такой зоркий и бдительный контроль? Что же касается меня", пришел он к скромному заключению, "то я пока еще вовсе не такая важная птица в этом деле, чтобы за мною нужно было следить особо. Не разберешь!"

И действительно, разобрать ему всю эту путаницу было невозможно, хотя, в сущности, ларчик открывался просто. Дело в том, что из "Петербургского центра" Свитка, дня за три до отъезда Хвалынцева, действительно получил поручение съездить в Литву для некоторых совещаний и переговоров с местными «филярами», а заодно уж ему было поручено еще и проследить за Хвалынцевым, убедиться в окончательной прочности его намерений и убеждений и, так сказать, проконвоировать его под своим личным досмотром до возможно дальнейшего пункта, пользуясь этим временем, между прочим, и для того, чтобы пуще и пуще укреплять его мысли, волю, желание и убеждение на новой почве общего дела. Агенты святой народной sprawy никогда не упускали даже малейшего случая в этом направлении, если только случай представлял им к тому маломальскую возможность и удобство. Но... Свитка и не подозревал, что именно его-то последняя миссия и заронила в душу нового адепта первое семя сомнения.

— Послушайте, Константин Семенович, — весело и радушно предложил он как-то во время пути, — ведь и для вас, и для дела, в сущности, решительно все равно, приедете ли вы в Варшаву несколькими днями раньше или позже; никто от этого, при настоящем положении дела, не выиграет, не проиграет, могу вас

смело уверить в том моим словом. А я вам хочу предложить одну маленькую, но очень приятную экскурсию.

— Что такое? — с некоторым недоверием спросил Хвалынцев, уже невольно ожидая еще какого-нибудь нового сюрприза.

— А вот что: хотите вы познакомиться с нашей милой патриархальной Литвой? — предложил Свитка. — Могу вас уверить, знакомство это ни в каком случае не будет для вас лишним. Край превосходный, и посмотрите, как он дивно настроен! Вот уж именно, батюшка, если где можно с пользой для дела поучиться чему-либо, так это у нас, в Литве! Мы с вами проехали бы немного по краю, побывали бы у кой-каких помещиков... Поглядите на них... Может, и понравятся вам... А что за женщины! О, какие женщины, черт их возьми! Ей-Богу, поедemте! — соблазнял Свитка. — Побываем мимоездом в Вильно, в Гродно, вы тут по крайней мере воочию посмотрите, что такое были наши польские да и вообще европейские города в XVII и XVIII веке; ведь там, батюшка мой, чуть не на каждом перекрестке что ни дом, то целая история двух столетий! Да и вообще знакомство с целым краем, в общей сумме знаний, вещь далеко не лишняя, а жизнь и путешествие нам почти ничего не будет стоить — разве сущую безделицу... Итак, решайте-ка! — подал он в заключение свою руку. — Поедем, тем более, что все это продлится дней пять-шесть, ну, много неделю, но уж никак не дольше.

Хвалынцев, после нескольких соблазнительных увещаний, дал ему слово.

II. Впечатления по дороге Литвою

Пески, болота, тощие речонки, тощие пашни на глинистом или песчаном грунте, сосновые леса и тоже большей частью на песке; вереск да очерет, опять пески и пески, опять леса, леса и болота; убогенькие и словно пришибленные к земле серые деревнушки; убогие и точно так же пришибленные иссера-белые крестьяне, которые при встрече с проезжим *не* мужиком уничиженно обнажают головы; тощие маленькие лошаденки рыжей масти; жидаы на подводах с бочками водки; нищие при дорогах; набело вымазанные глиной корчмы с жидами и жиденятами; кое-где на выгонах убогая скотинка; свиньи под каждым забором, в каждой деревенской луже; высокие кресты на плешинах песчаных пригорков, обозначающие убогие, не обнесенные оградами кладбища; такие же высокие кресты, там и сям разбросанные по полям, вблизи и вдали, на сколько хватит око, целые группы крестов при деревенских околицах; кое-где аллеи пирамидальных тополей при въездах в панскую усадьбу; высокие, белокаменные, крытые черепицей, двухбашенные костелы и низенькие, убогие, почернелые, покосившиеся набок православные церкви; сытый, усатый пан в нетычанке; самодовольно выбритый ксендз на сытой лошадке и грязно, убого одетый священник пешком или в хлопском полукошке — голь, нищета, какой-то гнет, какая-то бесконечно унылая, беспросветная пришибленность, забитость, скудость во всем и повсюду, — вот то неприглядное впечатление, которое с первого взгляда сделала эта хваленая «Литва» на свежую душу Хвалынцева, привыкшего доселе к широким картинам великорусской, поволжской жизни. Он не воздержался, чтобы не высказать эти впечатления своему спутнику.

— Хм! — злобно и не без горечи ухмыльнулся в ответ ему Свитка. — Вас поражает пришибленность! а кто довел край до такого положения, как не русское

правительство?

— Но, позвольте-с, — не совсем смело на первый раз возразил Хвалынцев, желая сделать возражение свое и поделикатнее, но в то же время так, чтобы в нем и некоторая доля «самостоятельности» проглядывала. — Позвольте-с, ведь то же самое правительство и в великорусских губерниях, а разница меж тем сильно заметна.

— Хм... И то да не то!.. оно так только кажется. Свой своему по неволе брат, а здесь ведь край чужой, заграбленный — ну, так и дави его! Чего жалеть-то! В этом-то и вся нехитрая правительственная система.

— Ну, нельзя сказать, помещики на вид у вас глядят-таки сытенько, а крестьянин вон только подгулял на этот счет, — заметил Хвалынцев.

Свитка, с коварной усмешкой, как будто согласился в душе с возражением Хвалынцева, но нарочно, посвистывая, отвернулся в сторону и сделал вид, будто не расслышал или не обратил внимания на заключения своего спутника.

— Но уж, надеюсь, вы никак не станете утверждать, — начал он через минуту, — что это край русский. Худо ли, хорошо ли, но это у нас свое, самобытное, литовское! Да-с! Возьмите хоть самую внешность края, возьмите ее вы, человек мимоезжий, чужой, и скажите по совести: представляется ли все это вам краем русским? Разве хоть эти вон кресты, эти костелы не говорят вам прямо, что здесь католицизм и Польша?

В это самое время, как будто нарочно, неподалеку в стороне, показалась убогого, жалкого вида православная церквушка с покосившимся восьмиконечным русским крестом.

— Что это, костел? — обратился Хвалынцев к подводчику.

— Гэто?.. не, паночку, гэто церква! — указал тот на убогий сруб своим кнутиком.

— Ну, а это-то как же? — с пытливым сомнением взглянув на Свитку, возразил Хвалынцев. — Попы да церкви-то как же?

Свитка с ироническим пренебрежением подфыркнул и скосил свои губы.

— Пфе! Ну, уж нашли возражение! — сказал он. — Попы!.. да ведь эти все попы или насажены сюда вашим же правительством, или насильно обращены из униатов! Правительство и церковью настроило, обману ради. Тоже ведь своя пропаганда. Но только обмануть-то ему никого не удастся.

Хвалынцев замолчал и на минуту погрузился в некоторое раздумье.

— Но отчего же эти церкви в таком жалком виде, если правительство настроило их ради пропаганды? — снова принялся он упорно возражать, воображая тем самым поддержать свою самостоятельность и независимость мнений. — Ведь для такой пропаганды, которая действует обманом, нужен блеск прежде всего?

— Отчего-с? А оттого, что здесь крестьянство и весь народ вообще душой предан католицизму либо же бывшей унии и ненавидит всекаемое православие, — горячо заговорил Свитка, как бы заранее предчувствуя торжество своей аргументации. — Оттого, что в костел идет народ охотой, а в церковь по полицейскому принуждению, загоном. На благоустройство костела жертвует и пан, и холоп свою лишнюю копейку, а на церковь никто вам ни гроша не даст, а ремонтные деньги, что идут на поддержку от правительства, благочинные да попы в свой карман кладут, да на бумаге фантастические итоги выводят. Вот вам и причины этого "жалкого вида", да и вообще православная церковь жалка и бедна

здесь потому, что она чужда всем и каждому, а костел здесь свой, и свой потому, что в нем польская вера, польский дух, а на их стороне все народные симпатии, и вы это увидите, вы сами убедитесь в этом. Вот, погодите, поедем мы с вами по помещикам. Ведь вы имеете, конечно, понятие о том что такое ваш великорусский помещик? — спросил Свитка опять-таки с каким-то затаенным коварством в душе, с какою-то внутреннею двусмысленностью и вообще не без задней мысли.

— Отчасти-с. Сам ведь тоже принадлежу к их лику, — ответил Хвалынцев.

— Ну, да вы-то исключение. А вот вы посмотрите-ка на наших! Это, батюшка мой, по общему убеждению, действительно представители краевой интеллигенции и цивилизации; тут хоть и патриархальность, но в ней есть движение, жизнь есть, отсутствие косности. Да впрочем что! Я хвастаться не хочу, а вы лучше сами увидите, сами посмотрите отношения их к общему делу, и вот в чем именно задатки нашего будущего успеха. Вся Польша, вся Литва, это как один человек!

Просвещая таким образом своего спутника, Свитка чуть ли не всю дорогу избирал Литву и местные отношения почти исключительной темой своих разговоров, и, пока они были друг подле друга, нельзя сказать, чтобы старания Свитки оставались бесплодны; он имел преимущество компетентного аборигена перед мимоезжим пришлецом, и Хвалынцев поневоле верил, если не всему, то очень и очень многому, потому что прежде всего он верил в безусловную честность самого Свитки, и если порой наплывала на него некоторая тень сомнения, то он старался гнать ее, как чувство недостойное порядочного человека, раз уже отдавшегося душой известному "делу".

III. В корчме

— Мы с вами, любезный друг, едем теперь к пану Котырло — старый мой добродей и золотая душа! — сообщил на последней смене лошадей Василий Свитка, который, по наблюдениям Хвалынцева, с тех пор как охватило его литовской жизнью и природой, как стал дышать родным литовским воздухом, сделался как-то слашавее, сантиментальнее, словно этот воздух и природа умастили и размягчили его душу. О всем литовском он говорил и вспоминал не иначе как с похвалой и неким сладостным умилением. "Чувство родины", думал про себя Хвалынцев, и потому мало в чем перечил ему относительно «Литвы» и ее прелестей.

— Кто этот пан Котырло? — полюбопытствовал узнать Константин Семенович.

— Э, золотая душа! — подтвердил Свитка. — Чуть-чуть не магнат, батюшка! был два трехлетия понятовым маршалком! И родство, и связи, и состояние! Очень старая дворянская фамилия! А уж как нас примут!

— Да за коим чертом, скажите пожалуйста, мы к нему поедем? — перебил его Хвалынцев, который, зная Свитку за демократа и красного, недоумевал что ему делать у пана Котырло, "чуть не магната", с родством, связями и состоянием.

— Для вас это должно быть вопросом совершенно равнодушным, — заметил Свитка. — А впрочем, недурно будет, если вы сами посмотрите на быт и жизнь нашего шляхетства. Лишнее знакомство в этом отношении не мешает, и даже будет полезно.

При этих словах Хвалынцев опять-таки уловил в лице приятеля мимолетную

улыбку загаженного коварства. Ему показалось, как будто у этого Свитки есть на душе своя особая идея, особая цель, особые планы, которых он не высказывает, но словно желает *подвести* подо что-то своего приятеля и заставить его самого доглядеться и додуматься *до чего-то*.

* * *

Часов около восьми вечера путники наши выехали в местечко Червлёны, которым владел пан Котырло. Сквозь прясло осеннего тумана Хвалынцев заметил обширную, четырехстороннюю площадь, по краям которой вкривь и вкось лепились то серые, то выбеленные домишки, а посредине смутно вырисовывались две башни над темной массой каменного костела. Свитка приказал подводчику ехать в "заездный дом".

Деревянный домишко, к которому с одной стороны прилепилась сквозная галерейка на покосившихся столбиках, а сзади, под одной и той же кровлей, примкнул сарай для возов и лошадей, представлял собой и заезжий двор, и корчму, и клуб для местного населения.

Сыроватый туман от людского дыхания и тютюновый дым, ошибающий запах сивухи, бочка которой лежала на видном месте, несколько серых фигур за большим столом и на лавках вдоль стен, тускло освещаемых, сквозь чадный туман, мутным светом коптящегося каганца; неопределенных лет грязная шинкарка-жидовка; визг и вой нескольких жиденят, мал мала меньше, да суетящийся жид, который обрадовался приезду новых постояльцев, в сладкой надежде на барыши с их постояя, — вот что встретило Хвалынцева, чуть только он переступил порог "заездного дома".

Смежная комната, куда наших путников проводил суетливый еврей, носила название «панской» и отличалась относительной чистотой. Крашенный стол, два прежестких дивана, три-четыре стула грубой работы, да кривое, до невозможности засиженное мухами, зеркало составляли его убранство, к которому надо присоединить еще и те старые, и тоже до невозможности засиженные мухами литографии, какие только и можно еще встретить по захоластным заезжим домам да на почтовых станциях. Тут уже менее ошибало сивушным маслом, но зато господствовал характеристичный еврейский запах чернушки, без семян которой не пекутся еврейские булки.

Предоставив Хвалынцеву располагаться здесь как хочет со всем дорожным скарбом, Свитка тотчас же приказал проводить себя в панскую усадьбу.

Не раздеваясь, Хвалынцев разлегся на одном из жестких диванов и, как человек, которому ровно нечего делать и который достаточно устал с дороги для того, чтобы думать о чем-либо, стал рассеянно глядеть в полуоткрытую дверь и невольно прислушиваться к разговору в смежной горнице. Говор был пьяноват, и потому достаточно громок.

Насколько Хвалынцев мог заметить мельком, там сидело несколько крестьян, и между ними человек лет под сорок, который и наружностью, и манерами своими старался приблизиться к типу мелкого шляхтича-официалиста. По его жилетке и длиннополному сюртуку, по его смазным сапогам, усам и бакам, спускавшимся под подбородок, почти безошибочно можно было заключить, что этот субъект, которого мужики не без некоторой почтительности титуловали "доброедем, мопанковм и паном Михаилом", принадлежит либо к числу приказ-

чиков вотчинной панской конторы, либо же просто к панской дворовой челяди.

— Цяперь ни-ни!.. Цяперь воля! — разглагольствовал один из пьяненьких крестьян, энергически ударяя по краю стола закорузлой ладонью. — Треба тальки Богу та Цару дзяковаць што вызволиу!

— Яб яму ще й больш подзяковау, каб ион мяне вызволиу спад Янкеля! — заметил на это другой, не менее пьяненький крестьянин, намекая не без задней мысли на суетливого корчмаря-еврея. — Спакуль пан не зьеу, то Янкель зьесці! Заусим съесць, бадай яму!..

— Н-н-ну? — гнусаво и не без претензии на амбицию протянул Янкель с характерно еврейской растяжкой и певучестью. — Сказжит спизжалуйста, Янкель изьел. Зацем я тибе изьел и сшто я изьел? Н-н-ну?

— Чаго "ну"! — азартно приподнялся мужик. — Ты у мяне за сколькои квартоу мого пол-кавалка зямли на рок узьяу? га?.. За дзевяц квартоу? А я цябе засеяу, тай зняу хлеб, тай пазвазиу у пуню за сколькои квартоу?.. га?.. За три?.. Уся моя праца тай увесь мой хлеб за двадцать квартоу пайшоу! А цяперь мяне аж на полкварты веры нема! А больш таго праз цябе пропасць повинен и заусим, з дзэцямі! Усё гаспадарство гэть до черта! А усё праз цябе!

— Не ты адзин, куме! И усе так-то! усе пад Янкелем! и усе спад Янкеля жи-вуць! — примирительно заметил третий, с безнадежностью махнув рукой, словно желая выразить, что таковой порядок вещей предопределен уже свыше непреклонной судьбой и ничего, значит, против него не поделаешь.

— Н-ну-у? Хай зжонка несе сштуку халсцины, я цебе дам аж цалу кварту! — свеликодушничал Янкель.

Мужик только взглянул на него исподлобья и, укоризненно помотав головой, в бессильной и сдержанной злобе отвернулся в сторону. Очевидно, у жинки не было уж в запасе лишней штуки холста, за которую Янкель столь соблазнительно сулил целую кварту водки.

— Павер на бирку? Ну што, бачь, табе! — убеждал Янкеля кум примиритель, которому тоже весьма желательно бы было распить с кумом по лишней чарке.

— На биркэ? — ухмылялся Янкель. — А он-то и сшто такога? — красноречиво указал он на дверной косяк, на котором в длинном ряде сделанных мелом черточек последовательно отмечалось количество отпущенной в долг водки. — Болш на биркэ а ни ниц!

— А сколькои ты наддау? Как мы не знали таго! — элегически убеждал кум, намекая корчмарю на самовольные и плутовские прибавки черточек на дверном косяке.

— Н-ну, малчи, сшволачь! — презрительно возвысил тот голос и отвернулся, явно показывая вид, что не намерен более продолжать разговор с такими грубыми мужиками.

— Пачайкайце, Панове! Я вам пагажду! — вмешался дворовый. — Гей, Янкель! Став кварту за мяне! Дай Боже на здарове панам, бо каб не пан, дак бы и горелки не пакупиць!

— Але?! — протянул один из мужиков, кидая вопросительный взгляд на дворового. — Чи ще й мало было багогоу?

— А што ж ион сблаговол гля цябе?! — вступился дворовый.

— А не? не сблаговол? — насунив брови, горячо возразил пьяненький и потому расходившийся кум. — Што было шкоды якой, то усё ад няго! Нада праду

казац! Нас было у бацка три сыны — ледва усих троих у солдаты непоздавау, тай то двох здау, адзин я застауси, бо пад мерку не падайшоу, а тоб бацьку з маткой по миру хадзиць! А сколько багогоу праз его-мосць ізьеу! А цеснота, а беднота! А дзеучать сколько пашкодзиу нам? ой, та што там, Боже мой... Млостно й гутариць!² Пан!.. Не пан а черт ион быу гля нас! От-што!

— Гэто так, так! — одобрительно подтвердили некоторые из состольников; — прауду кажучи, треба вяльми Богу та Цару дзяковац за волю, бо цяпер хоць багожиць, може, не будуць; а й то згодна!³

— А усё ж без паноу Цар недау бы и воли, бо панам так схацелось, каб хлопи вольны были, от Цар и зрабиу по-паньскому! — наперекор общему мнению возразил дворовый, очевидно принявший на себя защиту панских интересов.

— Ай, што брехаць непутно! — махнув рукой, как на пустые речи, выкрикнул пьяненский кум. — Паны!.. А што ж паны упярод не хацели каб нам воля была, а цяпер удруг схацели яну?.. С чаго ж так?.. Полна, добраздею.

— Наш пан заусягды хацеу! — упорно отстаивал панский защитник.

— Наш пан?.. Ге-ге!

При этом возражении хлопы — себе на уме — только усмехнулись.

— Але! — подтвердил дворовый, — бо йон сильно магуци пан и багат незличито! И есць у няго много й золота, й сяраб-ра, й бумажной манеты, и йон як захоче, то усих сваих хлопоу адзалациць! Нада только з им пакорна абхадзицца та слухац яго воли: што укаже, то й мусим рабиць, и усим нам з таго згода будзе!

— А то так... так, так! — поддакнул и Янкель, — бо взже йон вельки пан! И усшэ и сшто захоцьгы, то из вам й изделаиць! И сшам пан ассессоржи⁴ Ассессор — становой пристав. и сшам пан шпраник, и усшэ началство зпод пана живуц, и сшам энгерал-губернатор из им вельки пшияциулек! Ну-у, и сштошь ви тут говоритю!

— Пачайкайце, Панове! Пачайкайце трошку! — не без некоторой восторженности стал жестикулировать дворовый, возвысив свой голос. — Паны хацяц каб скарейш наврацилася Польша, и як тольки яна наврацицца, нам усим тоды жицье будзе, як нетреба найлепш!⁵ уся зямля наша, уся воля наша, ни начальства, ни падушных, ни чего не будзе, а будзем мы усе роуно як паны! Каб тольки Польша!..

— Польша!.. Ге-ге! — возразил ничем не довольный и во всем скептический кум. — Дзед мой помёр ще за й за тридцать рокоу, так я ще тодысь памятую, йон сказувау яка така была та Польша, бадай яну черци драли! Шей й горш было, як при панцизне!

— Ну, горш панцизны не може й быць! — заметили некоторые.

— А забий мяне Бог, кали не горш! Стары людзи кажуць! Стары людзи не ашуканоць.⁶ Яны лепш, як мы памятуюць сабе.

В это время из усадьбы прибежал казачок звать Хвалынцева в дом, так что Константин лишился уже возможности быть невольным слушателем разговоров, имевших для него даже некоторую долю поучительности. Наскоро поправив свой туалет, он пошел вслед за казачком, думая себе: "ну, каков-то этот пан Котырло?"

Пьяные речи корчемной публики намного противоречили тем розовым картинам, которые рисовались столь идиллически-яркими красками в рассказах Василия Свитки. Все то, что из-за полупритворенной двери удалось Хвалынцеву расслушать в этой пьяной, но не лишенной смысла беседе, навело его на некото-

рые мысли, породившие в душе еще и еще несколько зачатков новых сомнений. Противоречие выходило явное. Свитка говорит, что между хлопом и помещиком дружба, любовь, согласие и взаимная поддержка, а речь подгулявшего хлопа дышит неудержимой ненавистью к благодетелю пану. Свитка говорит, что народ ненавидит русское правительство, а пьяный хлоп тепло благодарит Русского царя за волю, в которой пока еще, — да и то сомнительно, — видит единое лишь благо, что, может, теперь паны не станут уже больше его батожить. Свитка говорит что народ спит и видит, как бы поскорей возвратилась прежняя Польша с ее порядками, а пьяный хлоп проклиная эту желанную Польшу хуже чем недавнюю барщину. Свитка говорит, что у здешнего народа нет ровно ничего общего с народом великорусским, а между тем он, Хвалынцев, отлично с первого разу понимает речь этого народа, которая отличается только некоторыми местными особенностями. Свитка говорит, что здесь везде и во всем чистейшая Польша, веет польский дух, звучит польская речь, а между тем он, Хвалынцев, вместо польской речи слышит белорусский, родственный по духу и смыслу говор; польский же дух находит только в дворовом человеке, да отчасти в шинкаре-еврее, которые оба по своему положению терлись и трутся более около панства, приходят с панством все-таки в большее соприкосновение, чем хлоп-земледелец, и потому действительно заражаются польским духом. — "Но где же здесь собственно Польша?" думает себе Хвалынцев. — Где же она? В этих придорожных крестах? В этом костеле? В этой усадьбе разве?"

Он вступил в широкий, обсаженный пирамидальными тополями панский двор, и встречен был дружным лаем собак, от которых казачок ретиво отмахивался кнутиком, выгадывая таким образом безопасный проход своему спутнику.

IV. "Палац сломяны"

Длинный, низенький, одноэтажный деревянный дом, с высокой соломенной кровлей, бока которой справа и слева были срезаны, — дом с выдающимся посередине крыльцом, которое таким образом делило его посредством сеней на две равные половины, взглянул на Хвалынцева из вечерней мглы рядом освещенных окошек. По сторонам двора, вокруг и около, можно было разглядеть несколько жилых и хозяйственных построек, разбросанных без всякого порядка, в каком-то хаотическом виде.

Едва вступил Хвалынцев в сени и стал скидать с себя верхнюю одежду, как дверь из залы открылась и на пороге ее, в сопровождении Свитки, показался сам пан Котырло, и притом с самым радушным, предупредительным видом.

Это был мужчина лет за пятьдесят, весьма еще бодрый и несколько дородный, очень живо напоминавший собою тех неслужащих дворян-помещиков, которые, большую часть своих досугов посвящая лошадям и собакам, арапникам и зайцам, стараются всю наружность свою, весь склад свой, весь тип свой приблизить к типу лихих, старослуживых отставных майоров-поляков, которые любят, чтобы в отставке их титуловали полковниками.

Пан Котырло, пожимая обеими руками руку Хвалынцева и весь расплываясь в сладко-приветливой улыбке, еще в сенях обратился к нему на французском языке с приветствием, которое заключалось в том, что он душевно рад видеть у себя человека родственной национальности, с которым познакомился уже заочно из рекомендации Свитки, и потому-де просит войти в свой дом, как в дом искрен-